

к изучаемому этносу. Речь идет об известном явлении, когда у исследователя по мере «погружения» в иную культурную традицию постепенно формируется особое к ней отношение — эмпатия, которая в своем максимуме ведет к отождествлению себя с нею. Этот феномен выражается вовне в той или иной степени проявленной демонстрации факта сопричастности. Участие в празднике — один из ярких маркеров принадлежности к корпоративному сообществу специалистов по изучению культуры народов Центральной Азии, что дает возможность позиционирования себя не только как специалиста по среднеазиатскому региону, но также как представителя в регионе, где этот праздник не имеет культурной традиции. Именно в таком контексте, вероятно, следует рассматривать практику проведения Новруза петербургскими этнографами.

В заключение отметим, что с точки зрения актуализации традиционной культуры в современном обществе Новруз представляет собой чрезвычайно благоприятное явление. Несмотря на то обстоятельство, что возникновение Новруза связано с зороастрийской традицией, а также то, что представители ислама рассматривают его как неотъемлемую часть их древнего культурного наследия, аксиологически значимая смысловая доминанта праздника — идея возрождения природы, всеобщего благополучия, плодородия — представляет собой благоприятную основу для объединения представителей самых разных конфессий и этнических культур.

Ю.М. Ботяков

СЕЛЕНИЕ АТАРА АБХАЗСКАЯ В 20-е ГОДЫ XX в. ИЗ МЕМУАРОВ Я. КВИЦИНИИ

Рукопись Янко Квицинии, представляющая собой его мемуары, насколько нам известно, была передана после смерти автора в 1990-х годах в Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа родственниками покойного. Фрагмент рукописи,

ставший объектом рассмотрения, насчитывает 22 страницы. Текст написан аккуратным разборчивым почерком — деталь примечательная: по словам наших информантов, абхазы именно по каллиграфическому, красивому почерку в первую очередь оценивали степень образованности человека.

То немногое, что нам известно об этом человеке, сводится к двум фактам его биографии: он был уроженцем села Атара и длительное время работал в органах внутренних дел. Рассматриваемые сюжеты относятся к ранним годам жизни Я. Квициния, его отрочеству и юности, представляя несомненный интерес с точки зрения этнографической дисциплины. Основной материал, связанный с воспоминаниями самого автора, сгруппирован в несколько небольших глав: «Отношение к нам ближайших родственников» (3 страницы), «Комсомольская ячейка» (9 страниц), «О Бинагу Квициния» (4 страницы) и «Атара — абхазский ревком» (2 страницы).

Кроме того, автор мемуаров приводит сюжет, в котором речь идет о жителе Атары Абхазской Якупе Квициния, основанный на воспоминаниях земляков, освещающий такой вопрос, как медиаторство в дореволюционной Абхазии. Отличительной особенностью текста является наличие многочисленных деталей. Приводятся имена и фамилии целого ряда людей, с которыми автору приходилось поддерживать отношения в селе, вступать в контакт по роду служебной деятельности. Текст освещает период первых лет установления советской власти в Абхазии и позволяет оценить непростую ситуацию, сложившуюся в это время в крестьянской среде, на примере крупного селения Восточной Абхазии.

Описание деятельности атарской комсомольской ячейки в 1921–1923 гг. является наиболее информативным сюжетом, позволяющим получить представление о процессе трансформации традиционных социальных институтов под воздействием новых властных отношений.

Комсомольская ячейка была создана в 1921 г., и в том же году Я. Квициния был избран вторым по счету ее секретарем. В тот период она насчитывала 46 комсомольцев, которые представляли собой боеспособное формирование: «Все мы, комсо-

мольцы, были вооружены винтовками с патронташами, полными патронов крест-накрест на груди и на поясе» [Квициния: 37]. Так как партийная организация в селе отсутствовала, ее функции выполняла комсомольская ячейка, что позволяет судить об уровне ее властных полномочий. «Все указания и директивы Оргбюро Очамчирского района мы понимали инстинктивно, но хорошо, и выполняли безоговорочно и требовали их выполнения от сельского Ревкома» [Квициния: 37]. Кроме того, в 1922 и 1923 гг. Я. Квициния занимал должность секретаря Ревкома (в недалеком будущем сельсовет) и имел возможность быть в курсе указаний и директив уездного ревкома и партийного Оргбюро, а также контролировать их выполнение. Представляется, что выдвижение Я. Квицинии на узловые должности в структуре сельской администрации были в немалой степени связаны с тем, что к тому времени он прошел курс обучения в школе. Знание русского языка, сохранившего за собой статус языка центральной власти, должно было выделить этого человека на общем фоне неграмотного в своей подавляющей массе крестьянства. Оно позволяло занять положение посредника между центральными органами (в нашем случае уездным руководством) и местным населением.

В мемуарах автор уделил особое место описанию своих настойчивых попыток учиться в школе вопреки жесткому противодействию отца. Наши информанты нередко сообщали нам, что во всяком случае в первое десятилетие советской власти в Абхазии крестьянство не хотело отдавать детей на учебу, не видя в этом прямой выгоды для благосостояния семьи.

Положение комсомольцев в селе как нельзя лучше иллюстрирует случай, на который автор обращает особое внимание. Председателем Ревкома в этот период был Махаз Джинджолия, которому автор дает следующую яркую характеристику. «Он был неграмотным человеком лет пятидесяти, но очень умным, развитым и уважаемым человеком в селе. У него была хорошая природная культура. Обаятельный, представительный, красивый человек» [Квициния: 38]. На комсомольском собрании, куда был приглашен Махаз, комсомольцы потребовали от него отчета за игнорирование им одного из указаний районного руководства.

Оставшись недовольным ответами председателя Ревкома, который, судя по контексту, пытался в разговоре с комсомольцами придать делу шутливый оборот, Я. Квициния перешел от слов к делу. «Такое поведение Махаза взорвало меня, и я крикнул: «Арестовать Махаза!» К нему подскочили комсомольцы (неразборчиво) и вмиг обезоружили его, а револьвер его <...> положили передо мной. Махаза мы посадили в сарай, и сидел до вечера там» [Квициния: 39].

Автор не оправдывает себя, отмечая лишь, что в тот момент им не приходила мысль о значительном превышении своих властных полномочий. Случай весьма информативный — аресту, хоть и непродолжительному, подвергся человек, являвшийся не просто главой села, но к тому же, как отмечалось выше, обладавший большим авторитетом среди односельчан. И наконец, он был значительно старше решительных комсомольцев.

Отдельным сюжетом в рукописи представлен материал, имеющий отношение к участию комсомольцев «в экзекуции». Подобного рода акция, скорее всего, относилась к арсеналу репрессивных средств, к которым прибегали местные власти еще до революции, и затем была введена в практику советских правоохранительных органов. «Экзекуция» как особая форма давления или наказания заключалась в принудительном «гостевании» в доме того человека, которого хотели заставить дать показания, выдать преступника и т.п.

Так, «экзекуция», описываемая Я. Квицинией, имевшая место в доме одного из жителей Атары, продолжалась одиннадцать дней, до тех пор пока хозяин перед угрозой разорения не передал в руки властей скрывавшегося у него беглеца и убийцу. Все это время в доме питалось более ста человек, для чего ежедневно резали одну–две коровы, быков и буйволов. Эту «экзекуцию», в которой в качестве представителей местной власти участвовали председатель и секретарь атарского ревкома, возглавляли начальник уездной милиции и его заместитель. Из 46 состоящих в ячейке комсомольцев, отмечает Я. Квициния, в этой форме оказания на сельчанина давления приняли участие 28 чел. [Квициния: 40].

По окончании экзекуции в Аtare часть комсомольцев направили в селение Гуп на другую экзекуцию, которая продолжалась

пять дней в доме «не то Маршания, не то Ачба, <...> а потом нас послали в Паквеш на другую экзекуцию. В Паквешу мы были всего два дня» [Квициния: 44].

Однако основной деятельностью комсомольцев было исполнение функций милиции: вызов людей в ревком, арест и конвоирование провинившихся в уездную милицию и т.п. А так как, по словам автора, свою работу комсомольцы выполняли «с энтузиазмом и не жалея сил», то можно не сомневаться, что арест Махаза Квицинии не был единственным случаем превышения ими своих полномочий.

Кроме того, они «выступали на сходках села, требовали сурового наказания для провинившихся людей, так как этого требовало руководство уезда» [Квициния: 39]. Выступление на сходе относится к тому кругу полномочий, которые маркировали статус человека в общине. В традиционном обществе молодой человек мог выступить на сходе, лишь получив приглашение старейшин. В основном же выступление перед широкой аудиторией являлось прерогативой людей старших возрастных групп.

Налицо, казалось бы, полное попрание традиционных норм поведения, в том числе принятых в общении между старшими и младшими. Тем не менее ситуация представляется не столь однозначной. В своих мемуарах автор рукописи приводит два примера, позволяющие говорить о его приверженности традиционным нормам поведения, принятым в сельском сообществе. Говоря об атарских долгожителях, он упоминает о случайной встрече с Бинагу Квицинией, когда уважаемый старец селения пригласил его — молодого человека — составить ему компанию. Это предложение и дальнейшее скромное угощение во дворе дома старца произвело на автора большое впечатление. По прошествии многих лет, описывая эту встречу, он вспоминает все до малейших деталей, помня не только то, что говорил в его честь старик, чем угощал (холодная мамалыга и сыр), но и другие подробности.

«По абхазскому обычаю я должен был выпить этот стакан за здоровье старика, но я стеснялся встать и сказать хотя бы несколько слов за здоровье Бинагу, наконец, я решился и встал» [Квициния: 29]. Тост, сказанный в честь старца, был высоко оце-

нен последним, и комсомольский вожак ушел со двора очень довольным, «потому что, во-первых, он похвалил меня. Во-вторых, он принял меня как взрослого человека и пил вино со мной» [Квициния: 30].

Подобную ситуацию мы встречаем в описании командировки группы комсомольцев в Гуп, когда секретарь ячейки, чтобы доехать до села, взял без спроса соседскую лошадь. На обратном пути этот проступок заставил его задуматься: «Когда приблизился к Атаре, я начал сильно беспокоиться о своем поступке с лошадью, <...> что скажет мне Рашит, что скажет мне мой отец» [Квициния: 44–45].

Как представляется, сосредоточие властных полномочий в возрастной группе мужской молодежи — явление, характерное для традиционной культуры в переломные моменты истории. Начало 1920-х годов в Абхазии было временем, когда смена политической власти активизировала деятельность в обществе различных преступных элементов, что в свою очередь способствовало делегированию полномочий молодежным военизированным формированиям.

Активисты новой политической власти на местах нередко рассматриваются как некая сила, противопоставляющая себя традиционному общественному устройству. На нашем частном случае можно говорить о том, что взаимодействие старого и нового носило более сложный характер, а носители новой идеологии могли и не отделять себя от основной массы населения, живущего согласно нормам традиционных морали и права.

Источник

Квициния Я. Рукопись.